

ПЕРО СОЛОВЬЯ

ВАЛЕНТИНА РЕДА

НАСЛЕДСТВО КАРТЕРОВ. КНИГА 2

СЕМЕЙНЫЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Валентина Реда

Гнездо Картеров.

Том 2 . Перо соловья.

<https://litres.ru/74216183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация

Перо Соловья

Семейный мистический детектив. Том 2

Алексей и Майя нашли три серебряных пера, но заплатили страшную цену: Майя потеряла смех брата, лицо матери и воспоминание о первом школьном дне. Однако оставшиеся перья где-то рядом — старая карта прадеда указывает на пять точек, разбросанных по зимнему Уралу: Кушва, Кунгур, деревня под Нижним Тагилом, заброшенный рудник и перевал Дятлова.

Но Картеры не одни. Старый враг семьи, Серафим Крестовский, идёт по тому же следу. Он верит: если собрать все девять перьев, можно воскресить его дочь, умершую от тифа в 1942 году. Он готов убивать. Он готов умереть сам.

Зимняя охота начинается. Каждое найденное перо открывает новый голос — и забирает новую память. А где-то впереди ждёт Феникс — перо, которое, по слухам, способно вернуть душу. Или забрать жизнь взамен.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентина Редя Гнездо Картеров. Том 2 . Перо соловья.

Глава 1

ПЕРО СОЛОВЬЯ

Том второй

Часть первая. ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава 1. Тишина после девяти

Декабрь в Коптяках пах хвоей и дымом.

Алексей стоял на крыльце с кружкой кофе и смотрел, как снег засыпает яблоневый сад. Кружка была та самая — с трещиной, отцовская. Он пил из неё каждое утро, и каждый раз вспоминал, как отец сидел на этих ступеньках, курил «Беломор» и говорил: «Здесь даже воздух другой — старый, муд-

рый.» Теперь Алексей понимал: воздух не изменился. Изменился он сам.

Прошёл месяц с тех пор, как часы в башне пробили девять ударов. За это время дом преобразился. Майя вымыла окна, Алексей починил просевшее крыльцо и заменил сгнившие половицы в коридоре второго этажа. Лиля привезла из города новые занавески — светло-серые, в тон зимнему небу. Даже чучела в прихожей, казалось, стали смотреть менее враждебно. Или они просто привыкли.

Но Алексей не спал.

Бессонница пришла незаметно. Сначала он просто просыпался среди ночи — на минуту, на две, а потом снова проваливался в сон. Потом минуты стали часами. Теперь он лежал в темноте до рассвета, глядя в потолок, и слушал. Дом скрипел. Часы в башне тикали. И где-то на границе слышимости — звук, который не должны были слышать живые. Пение. Далёкое, едва различимое. Как будто птица за лесом. Как будто лебедь.

Он никому не говорил об этом.

— Ты опять не спал, — сказала Майя, выходя на крыльцо. На ней был старый отцовский свитер — грубой вязки, с

заплаткой на локте. Тёмные волосы, как всегда, собраны в тугой хвост, но несколько прядей выбились и липли к лицу. Под левым глазом залегла тонкая тень, ставшая почти постоянной за последние недели.

— Спал, — ответил Алексей. — Часа четыре.

— Это не сон. Это передышка.

Она встала рядом, обхватив плечи руками. Из рта вырывался пар. Декабрь в этом году был холодным — градусов двадцать ниже нуля, не меньше. Но Алексей почти не чувствовал холода. Он вообще стал меньше чувствовать. Как будто вместе со смехом, который Майя потеряла при активации Ворона, из него ушло что-то ещё. Способность ощущать тепло. Способность радоваться тишине. Способность закрывать глаза без того, чтобы видеть отца за рулём, набирающего его номер.

— Ты снова слышал пение, — сказала Майя. Это был не вопрос.

— Да.

— Громче, чем вчера?

— Так же. Но ближе. Как будто оно приближается.

Майя прикусила внутреннюю сторону щеки. Она ничего не сказала, но Алексей знал: она думает о том же, о чём и он. Лебедь. Голос Смерти. Песня, которую слышал их отец за день до гибели. Анна Картер, старая женщина из Кушвы, сказала: «Лебедь поёт для вас. Значит, вы — следующий.» Тогда они не придали этому значения. Теперь Алексей не мог думать ни о чём другом.

— Я нашла кое-что в архиве, — сказала Майя, меняя тему. — Пойдём, покажу.

Они вернулись в дом. В гостиной, у камина, сидела Лиля. Она вязала — длинный серый шарф, который обещала закончить к Новому году. Увидев их, отложила спицы. За те недели, что она жила в доме, Лилия стала почти незаметной частью интерьера — как старое кресло прадеда или часы в башне. Она не спрашивала лишнего, не вмешивалась в разговоры о первях, не пыталась стать частью тайны. Но она была рядом. И этого оказалось достаточно.

— У вас вид заговорщиков, — сказала она. — Что-то нашли?

— Пока не знаю, — ответила Майя. — Пойдём, Лёш.

Они поднялись в кабинет. За прошедший месяц Майя превратила его в подобие лаборатории: на столе стоял ноутбук, рядом лежали распечатки, старые карты, дневники прадеда. Стены были увешаны фотографиями — прадед, прабабушка, дед, отец. И несколько снимков, которые они нашли в подвале: люди в форме НКВД, групповые портреты, какие-то незнакомые лица.

— Вот, — Майя развернула на столе пожелтевший лист бумаги. — Это карта. Я нашла её вчера, в коробке с силуэтом филина. Она была сложена в восемь раз и лежала на самом дне.

Карта была старой — бумага ломкая, чернила выцвели. Но изображение сохранилось. Это была карта Свердловской области конца 1930-х годов. На ней — пять отмеченных точек. Пять крестиков, обведённых красным.

— Первая точка — Коптяки, — Майя ткнула пальцем. — Вторая — Кушва. Третья — Кунгур. Четвёртая — деревня под Нижним Тагилом, название неразборчиво. Пятая — какой-то рудник возле Дегтярска.

— Пять точек, — повторил Алексей. — Пять перьев.

— Шесть, если считать Соловья. Соловей был здесь, в Коптяках. Но на карте он не отмечен. Может быть, прадед закопал его позже. Может быть, эта карта — только начало.

Алексей провёл ладонью по седым вискам. Шрам над бровью побелел — он хмурился. В висках пульсировала тупая боль, знакомая и уже почти родная.

— Значит, четыре точки. Четыре пера. Голубь, Ястреб, Кукушка и Феникс.

— Или Лебедь, Сорока и ещё два. Мы не знаем точно, какие перья где спрятаны. Но мы знаем, где искать.

В дверях появилась Лиля. Она не заходила — стояла на пороге, прислонившись к косяку.

— Можно вопрос?

— Конечно.

— Почему вы продолжаете? Вы уже нашли три пера. Вы заплатили за них — памятью, голосами, лицами. Почему не остановиться?

Алексей и Майя переглянулись.

— Потому что мы не одни, — сказал Алексей. — Кто-то ещё ищет перья. Кто-то, кто украл Соловья. Если он найдёт остальные раньше нас...

— То что?

— Мы не знаем. Но прадед боялся этого. И отец боялся. Достаточно, чтобы мы продолжали.

Лиля кивнула. Она не спорила. Она уже поняла: Картеры не умеют останавливаться. Это у них в крови.

— Тогда у меня ещё один вопрос, — сказала она. — Алиса хочет приехать.

Алексей поднял брови.

— Твоя дочь?

— Да. Она сказала: «Если этот твой Алексей такой интересный, почему я его не видела?» — Лиля улыбнулась, но улыбка вышла напряжённой. — Она подросток. Любопытный и вредный. Но я не хочу, чтобы она...

— Я понимаю, — перебил Алексей. — Здесь небезопасно.

— Здесь небезопасно везде. Тот человек, Крестовский — он знает, где я живу. Он знает об Алисе. Может быть, безопаснее, если она будет здесь. С нами.

Майя прикусила внутреннюю сторону щеки.

— Пусть приезжает. Дом большой. Места хватит.

— И я смогу за ней присмотреть, — добавила Лиля. — Я не хочу оставлять её одну в городе.

Алексей кивнул.

— Хорошо. Пусть приезжает.

Лилия выдохнула — как будто держала воздух в лёгких всё это время. Она подошла к Алексею и взяла его за руку. Он не отстранился.

— Спасибо, — сказала она.

В этот момент в башне затикали часы. Не забили — просто затикали, мерно и глухо, как сердце. Алексей поднял голову. Ему показалось, что среди тиканья он снова слышит пение. Далёкое. Чистое. Нечеловеческое.

Он ничего не сказал. Но пальцы сами сжали руку Лилии — сильнее, чем он хотел.

Вечером, когда Лиля уехала в город за Алисой, Алексей и Майя сидели у камина. На столе лежала карта с пятью точками. Рядом — два серебряных пера. Ворон и Сова. Третье, Соловей, исчезло.

— Ты думаешь о Крестовском, — сказала Майя.

— Да.

— Думаешь, он вернётся?

— Он не уходил. Он ждёт, когда мы найдём остальные перья, чтобы забрать их.

— Или ждёт, когда ты умрёшь.

Алексей поднял голову.

— Ты тоже слышишь пение?

— Нет. Но я вижу, как ты меняешься. Ты почти не спишь. Ты вздрагиваешь от каждого звука. Ты смотришь на птиц

так, будто они сейчас заговорят. Лебедь поёт для тебя, Лёш. И ты это знаешь.

Алексей ничего не ответил. Он достал из кармана зажигалку отца. Щёлкнул. Пламя дрожало в темноте.

— Я не хочу умирать, — сказал он наконец. — Не сейчас. Только не сейчас.

Майя пересела ближе и взяла его за руку.

— Ты не умрёшь. Мы найдём Лебеда. Мы остановим песню.

— А если не успеем?

— Успеем. У нас нет другого выбора.

За окном падал снег. Где-то в лесу кричала птица. Ворон. Алексей слышал его — но теперь ему казалось, что в крике ворона звучит другая нота. Более высокая. Более чистая. Лебедина.

Он закрыл зажигалку. Пламя погасло. В комнате стало темно.

Глава 2

Глава 2. Алиса

Алиса приехала на следующий день.

Лиля привезла её на такси — стареньком «рено» с прокуренным салоном и водителем, который всю дорогу рассказывал о ценах на бензин. Алиса вышла из машины, оглядела дом, яблоневый сад, башню — и присвистнула.

— Ничего себе. Это что, замок?

— Это дом, — сказала Лиля. — Старый. Очень старый.

— Ага. Я вижу.

Алисе было четырнадцать. Высокая, угловатая, с тёмными волосами — в мать, и серыми глазами — в отца, которого Алексей никогда не видел. Она носила длинное чёрное пальто, явно великоватое, и рюкзак с нашивками: логотипы групп, которых Алексей не знал, и значок «Netflix». В ушах — наушники, из которых доносился приглушённый бас.

Алексей вышел на крыльцо.

— Здравствуй, Алиса.

Она смерила его взглядом — оценивающим, каким смотрят подростки на взрослых, которых ещё не решили уважать.

— Здравствуйте, дядя Лёша. Мама много о вас рассказывала.

— Надеюсь, хорошее.

— Разное. — Она улыбнулась — точь-в-точь как Лиля, только без морщинок вокруг глаз. — Где моя комната?

— На втором этаже. Рядом с кабинетом прадеда.

— С прадедом? — Алиса подняла бровь. — Он что, до сих пор там?

Алексей и Лиля переглянулись. Майя, стоявшая в дверях, прикусила щёку, чтобы не рассмеяться.

— Нет, — сказал Алексей. — Он умер. Давно.

— Жаль. Я надеялась на семейное привидение.

— Привидений нет.

— А что есть?

Алексей помолчал.

— Птицы, — сказал он наконец. — Чучела птиц. И серебряные перья, которые записывают голоса мёртвых. Твоя мама, наверное, рассказывала.

— Рассказывала. — Алиса перестала улыбаться. — И про Крестовского рассказывала. И про Лебедя, который поёт. Это правда? Вы действительно слышите пение?

— Да.

— Прямо сейчас?

Алексей прислушался. В ушах стоял тихий звон — следствие бессонницы. Но за ним, на самой границе слышимости, действительно звучала нота. Высокая, чистая, далёкая.

— Да, — сказал он. — Прямо сейчас.

Алиса посмотрела на него долгим взглядом. Потом кив-

нула.

— Тогда давайте найдём его. Этого Лебедя. Пока он не допел.

— Ты хочешь помочь?

— Я хочу, чтобы моя мама перестала бояться. — Алиса поправила лямку рюкзака. — И вы перестали. У вас у обоих вид, как будто вы не спали неделю.

Майя фыркнула.

— Она мне нравится, — сказала она.

Алиса улыбнулась — на этот раз открыто, тепло. И Алексей вдруг понял, что в этом доме, полном мёртвых птиц и живых голосов, появился кто-то, кто не боится. Кто смотрит на тайну не как на проклятие, а как на приключение.

Может быть, именно этого им не хватало.

День прошёл в хлопотах. Алиса обошла весь дом — заглянула в каждую комнату, потрогала каждое чучело, поднялась в башню, спустилась в подвал. Она задавала вопросы — быстрые, неожиданные, иногда неудобные.

— Почему у всех птиц нет глаз?

— Прадед говорил: птица не должна смотреть на того, кто её убил.

— А кто её убил?

— Он сам. Он был таксидермистом.

— Жуть. А это что за карта?

Они стояли в кабинете. Алиса заметила карту с пятью точками, которую Майя оставила на столе, и теперь разглядывала её с любопытством.

— Это карта прадеда, — сказала Майя. — На ней отмечены места, где спрятаны перья.

— Круто. И что, вы поедете их искать?

— Да.

— А можно с вами?

Майя посмотрела на Алексея. Тот покачал головой.

— Нет. Это опасно.

— Жить вообще опасно. — Алиса пожала плечами. — Вы же не оставите меня здесь одну? Мама сказала, Крестовский может прийти в любой момент. Если я останусь, кто меня защитит?

— Мы не оставим тебя одну. Лиля будет с тобой.

— А кто защитит маму?

Алексей открыл рот — и закрыл. Алиса попала в точку.

— Я подумаю, — сказал он наконец.

— Думайте быстрее. У вас тут пять точек, а зима длинная.

Вечером, когда все разошлись по комнатам, Алексей сидел в гостиной. В камине потрескивали дрова. На коленях лежала карта. Он смотрел на пять крестиков и думал о том, что Алиса права. Они не могут оставить Лилю одну. Они не могут взять её с собой. И они не могут остановиться.

Майя спустилась в гостиную. Села рядом.

— Она напоминает мне тебя, — сказала она.

— Кто? Алиса?

— Да. Такая же упрямая. Такая же любопытная. Такая же... картеровская.

— Она не Картер.

— Это не важно. Кровь — не единственное, что делает человека частью семьи.

Алексей промолчал. Он смотрел на карту и думал о том, что дом принял Лилию. Принял Алису. Часы в башне не били тревогу. Чучела не поворачивали голов. Дом молчал. И это молчание было красноречивее любых слов.

— Завтра я поеду в Кушву, — сказал он. — Один.

— Нет.

— Майя...

— Нет, Лёш. Мы едем вместе. И Лиля с Алисой едут с нами. Это небезопасно — оставлять их здесь одних. И это небезопасно — разделяться. Мы — семья. Мы держимся

вместе.

Алексей провёл ладонью по седым вискам. Шрам над бровью побелел.

— Хорошо, — сказал он. — Вместе.

За окном падал снег. Где-то в лесу кричала птица. И за её криком, на границе слышимости, всё ещё звучала песня. Высокая, чистая, неумолимая.

Алексей закрыл глаза. Он не спал уже третью ночь. Но сейчас, впервые за долгое время, ему показалось, что он сможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.